

Жизнь в Киселевске

В окно покосившейся хаты
Луна-озорница глядит.
А в хате мужик бородатый,
Задумавшись, молча сидит.
Блокнот у него на коленях,
За ухо заткнут карандаш,
А мысли блуждают, как тени -
В седой голове ералаш.
То слышится рокот прибоя,
То рожь на полях шелестит,
То рухнула кровля в забое,
То фриц на бомбежку летит...
Давно уже полночь,

пора быть в постели,
Но сон не идет, хоть убей.
А мысли куда-то летели,
Как стаи степных голубей.
Но вот дед вздохнул, встрепенулся,
И мигом растаял мираж.
Чему-то в душе улыбнулся -
Листку зашептал карандаш...

Мои стихи созрели в сердце,
Родившись в дебрях бытия,
Тоскливо, с юмором и перцем
Звучит поэзия моя.

Включив свой старенький экран,
Смотрю предвыборные страсти,
А бабка чинит сарафан
И костерит безбожно власти.

- Ты за кого? - спросил ее, -
За Ельцина аль за Зюгана?
- Я вот за это вот рваньё! -
И ткнула в нос мне сарафаном.

Меняются говоруны:
То Жириновский, то Тулеев -
И все решимости полны,
Все за Россию прямо млеют.

Все обещают рай земной,
И вдруг - с экрана только тени.
Не помню, что было со мной,
Как я попал в объятья лени.

Вот вижу в небе облака,
На корабли чуть-чуть похожи.
А звезды пляшут гопака,
Им месяц хлопает в ладоши.

- Иди-ка дрыхнуть на кровать, -
Сердито бабка мне сказала.
А я ей: «Надо б пожевать».
Она мне кукиш показала.

Закину за плечи рюкзак,
Пойду я бродяжить по свету.
Впиваться в экран натошак
Устал я и сил больше нету.

Быть может, дойду до земли,
Где нету ни лжи, ни обмана,
Где людям поют соловьи,
Живые, не то что с экрана.

Увижу стада журавлей,
Гнездящихся в дебрях Сибири,
Вдохну ароматы полей,
Пока их совсем не сгубили.

Да, были люди...

Кулачищи, как безмены,
Лыс, хоть и не стар,
Горный мастер после смены
Заглянул в пивбар.
- Эй, подружка, быстро кружку,
Можно даже две.
Новый шеф снимал с нас стружку -
Буря в голове.
Ну и хватка! Ну и глотка!
Зверь! Ни дать, ни взять.
Вгонит он нас всех в чахотку,
Наливай-ка пять!
План квартальный завалили,
Премия горит,
Мало их, буржуев, били.
Двигай еще три!
Лава старая кряхтела,
Тут, брат, не зевай.
Крепи нет, и кровля села.
Дюжину давай!
Кавалер Шахтерской Славы,
Горных дел знаток,
Любит он семью и лаву,
И пивка глоток.

Василий ЛИПОВОЙ

Родился 14 января 1927 года в Белоруссии. Был седьмым ребенком в крестьянской семье. В 1933 году родители с детьми переехали жить на Алтай.

С детства был «заядлым книгочитом». Любимые писатели: Пушкин, Тургенев, Некрасов. После знакомства с героями Марка Твена в 1941 году, вместе с братом Семеном Василием бежал обратно в Белоруссию. С середины Великой Отечественной войны был зачислен в истребительный батальон: прочесывали леса, вылавливали полицаяв, власовцев, старост. 1 декабря 1944

года был призван в ряды Красной Армии, позже стал курсантом полковой школы. Выпуск состоялся после Дня Победы. Служить попал на Балтийский флот, на крейсер «Киров». В ту пору уже писал стихи.

Демобилизовался в 1949 году.

В 1955 году приехал в Киселевск. Остался здесь навсегда. Работал кочегаром, возчиком в детских яслях, лесодоставщиком в шахте, начальником караула профессиональной пожарной части № 2. На шахте «Краснокаменская» работал подземным горнорабочим.

В мае 1983 года вошел на пенсию.

Помимо поэзии, всегда увлекался и увлекается изобретательством: на базе двигателя «ИЖ-49» смастерил несколько полезных приставок. Э «машина» и пашет, пилит, и воду качает по земле передвигается...

На страницах «Киселевских вестей» его стихи впервые были опубликованы в январе 1997 года. А в апреле 2002 года они вошли в сборник «Киселевск в моей судьбе. История города с страниц «Киселевских вестей».

Короткое замыкание

Тишь, порядок в хате,
Внуки не галдят.
Двое на кровати
Рядышком сидят.

- Почеши, дед,
спинку,
- И легла ничком.
- А как насчет
свининки,
Жареной с лучком?

Бабка повернулась,
Приподняла бровь,
Деду улыбнулась:
- Не волнуй мне кровь.

- Почешу и попку,
Милая, тебе,
А ты належ мне стопку,
А не жаль - так две.

Бабка встала мигом:
- Ах ты, лысый пес! -
И подносит фигу
Дедушке под нос.

- А вот это нюхал,
Старый бегемот?!
Распустил тут брюхо,
Только пьет да жрет.

Дедушка опешил:
«Ишь, какая прыть,
Двинул меня леший
С ведьмой говорить».

- Убери-ка ручку, -
Говорит тут дед, -
- И не скули, как Жучка,
А давай обед.

Бабка прямо взвыла
И за клюшку хватать!
А дедушка ей в рыло:
- Ишь, такую мать!

Старая наседка,
А рычит, как дог. -
И пошел к соседке
Взять бутылку в долг.

Сердце - не камень

Прекрати свой наигранный плач.
Не пытайся на нервы мне капать.
Ты решила, что брянский я лапоть.
Нет, голубка, я - тертый калач.
Я артисток покруче видал,
Посложнее решал я вопросы,
И не шмыгай, пожалуйста, носом,
Коль сама заварила скандал.
Эти слезы - пустая вода,
Занялась бы ты лучше делами,
А чтоб я зазвенел удилами,
Не дожدهшься, поверь, никогда.
Заруби же себе на носу:
Ни к чему все твои перепалки.
На руках я тебя понесу,
Только помни, что не из-под палки.
Не прими мой совет за угрозы,
Но так было и будет всегда,
А теперь подойди-ка сюда,
Поцелуем утру твои слезы.

Молоденький шофер

Легко машина катится,
Гудит, поет мотор,
Задорно улыбается
Молоденький шофер.
Глаза, как небо, чистые
В июньский ясный день,
Веселые, лучистые,
И кепка набекрень.
Шуршит асфальт под шинами
Всему наперекор,
Свою судьбу с машиною
Навек связал шофер.
Дорогами подольскими
Водил он юркий «ГАЗ».
С путевкой комсомольскою
Приехал к нам в Кузбасс?
Но поступь молодецкую
Свою не изменил,
Просторами кузнецкими
Повел московский «ЗиЛ».
Дорога извивается,
Кругом степной простор,
Из рейса возвращается,
Задорно улыбается
И жизнью наслаждается
Молоденький шофер.

Последний гудок

В обиде горькой изнывая,
С тяжелым вздохом, но без слез,
Последний час свой доживая,
Гудит усталый паровоз:
- Ведь я трудился очень честно
Всю жизнь нелегкую мою.
А мне твердят: «Не интересно
Тебя держать уже в строю».
Я тыщу раз кланюсь Всевышним -
Промчал от Лены до Днепра.
А мне опять - из моды вышли,
На пенсию уже пора.
Так слушайте ж копченых, черных,
Нас, вы, экспрессы - господа:
Вам без трудов наших упорных
На путь не выйти б никогда!

Сельский вечер

От реки повеяло прохладой,
В небо выплыл козырек луны,
Пастушонок прогоняет стадо,
До колен засучены штаны.
У калитки шепчутся подружки
В разноцветных легоньких платках.
По двору прошаркала старушка,
Сгорбившись, с подойником в руках.
Вот запели, зазвенели струи
Теплого парного молока.
Дед седой из старенькой кастрюли
Поит светло-рыжего телка.
- Я тебя, любимый, ожидаю... -
Льется звонко песня за рекой.
Молодость свою припоминая,
Дед к телку склонился головой.

Черешня

И стройная, и нежная
Черешня белоснежная.
Кудряшки изумрудные,
Как в сказке иль в бреду.
Ночной росой умылася,
Стоит прекрасно-чудная
Одна во всем саду.
О том не догадывается,
Что есть в селе красавица,
Что в сердце мое бедное
Накликала беду.
Как солнце спать уляжется,
Жизнь надо мной куражится,
Тропинкою заветною
К черешне я иду.
Встречаю там подруженьку,
Прошу: «Открой мне душеньку,
Одно словцо, любимая,
Как ключ от счастья, жду».
Уж зорька занимается -
Молчит моя красавица,
Лишь звонко заливается
Соловушка в саду.

Журавли

Распахнулась небесная синь,
Будто кем-то раздернуты шторы.
Грусть наводят багрянец осин
Да полей опустевших просторы.
Надо мною трубают журавли,
Растянувшись большим караваном:
Покидая гнездовья свои,
Улетают к неведомым странам.
Мог бы с ними и я улететь
За леса, за моря и за реки,
Если б эту осеннюю медь
Мог бы взять я с собою навеки.
Если б знал, что найдутся края,
Где не тянет к родному гнездовью...
- Возвращайтесь, скорее, друзья! -
Я шепчу им с тоской и любовью.

